

Встреча после смерти

В Центре им. Мейерхольда завершились Дни Тадеуша Кантора в Москве

Ольга Галахова

Этого всемирно известного режиссера (1915–1990) называли «самым международным из польских творцов и самым польским из международных». Влияние Кантора на мировой театр трудно переоценить. Однако мы остались в стороне от встречи с ним при жизни. Кантор никогда не был в России. Спустя 15 лет после его смерти пробил час заповздалой встречи.

Польские театральные деятели, а с нашей стороны – Валерий Фокин инициировали этот проект, который состоялся при финансовой поддержке польской стороны и энтузиазме сотрудников центра с нашей. Все четыре дня с утра до вечера показывались записи спектаклей Кантора, польские театроведы читали лекции, а актеры, которые работали с великим режиссером, приехали в Москву, чтобы принять участие в проекте и рассказать о своем мастере. Была подготовлена и открыта выставка, посвященная жизни и творчеству Кантора. Многие из прибывших гостей в Москве оказались впервые.

Предельный демократизм этого проекта выразился в том, что вход на все мероприятия был свободным для всех желающих. Не было ограничений и на выступления в дискуссиях, хотя иногда, право, и стоило бы.

Хотя железный занавес и пал почти 20 лет назад, последствия в том числе интеллектуальной, эстетической изоляции дают себя знать и по сей день. Только недавно вышла книга трудов, статей Ежи Гротовского, давно подготовленная и переведенная глубоким знатоком польского театра Нателлой Башиджаган. Однако если идеи Гротовского уже давно полулегально вошли в нашу театральную реальность, возможно, и потому, что этот гуру польского театра соотносил свои идеи с опытом русской режиссуры, и прежде всего со Станиславским, даже стажировался в ГИТИСе, то Кантор для нас остался terra incognita. Не приезжал на поклон и не припадал к мхатовской традиции. Из нашего опыта он воспринял в большей мере наследие Всеволода Мейерхольда, Евгения Вахтангова. Первого – через книги, второго – через театр, поскольку еврейская студия «Габима» привозила в Польшу незадолго до Второй мировой войны спектакль «Ди-

бук», поставленный Евгением Вахтанговым. Польские исследователи, в частности, предполагают, что Кантор мог видеть этот спектакль, хотя прямых доказательств и нет.

Конечно, в театре лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Аксиома, что даже самая прекрасная видеозапись спектакля не может быть адекватной театральному показу, справедлива. Однако те фильмы, которые были показаны в рамках программы, сделаны на совесть. Театр умело «переведен» в кино, и даже с экрана сценический мир Тадеуша Кантора пробивает сердце.

В программу показов вошли те записи спектаклей, которые были определены самим польским мастером как Театр Смерти. Это и самый знаменитый «Умерший класс» (1975), и «Вилёполе, Вилёполе» – спектакль о своем детстве, о своем родном местечке, которое для Кантора, по мнению исследователя Збигнева Осински, занимало в душе то же место, что Римини для Феллини. Спектакль «Я сюда уже больше не вернусь» – о театре, и самый последний спектакль, премьера которого уже шла без своего создателя, поскольку Кантор умер после репетиции, «Сегодня мой день

рождения», – воспоминания о жизни, театре.

Кантор всегда участвовал в собственных спектаклях, подобно дирижеру, управляющему хором артистов, и вместе с тем режиссеру, который словно отпускает от себя свое создание, но не настолько, чтобы дать ему волю совсем. Интеллигентный странник по своим собственным спектаклям, он отстраняет от себя свое творение, чтобы свое ощутить как чужое. Театром Кантор взывает к жизни царство мертвых, тени, среди которых бродит художник, ведущий свой диалог-воспоминание. В этом царстве призраков его отец, погибший в Освенциме, ксендз из его родного предместья Вилёполе, невеста, дядя. Он из Аида выводит на подмостки тень Мейерхольда, которого на дощатом помосте под песню «Полюшко-поле» распинают буденновцы в шинелях на голое тело, зачитывается письмо узника Мейерхольда о том, как его пытают в застенках. В гротескном вальсе кружатся призраки с набеленными лицами. Трагический фарс, в котором причудливо соединена поэзия и брутальность, изыск и опрощение. ■

Ольга Галахова – театральный критик.